

18+

Время нечисти

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Рената Роз

**Время нечисти.
Мистические истории**

«Издательские решения»

Роз Р.

Время нечисти. Мистические истории / Р. Роз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532980-6

Многие персонажи славянской мифологии известны нам из сказок, однако современные представления о них зачастую искажены. Наши предки верили, что мир вокруг населён самыми разнообразными существами, куда ни кинь взгляд: свой дух может быть у любого ручейка, у любой постройки. Разумеется, большинство таких «соседей» недоброжелательны, и люди вынуждены прилагать усилия, чтобы с ними ладить... Особенно сейчас, когда мы забыли то, чему учили нас бабушки.

ISBN 978-5-00-532980-6

© Роз Р.

© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово	6
Гореть не страшно	7
Дитяtko	18
Михей	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Время нечисти

Мистические истории

Авторы: Лисенкова Ольга, Данген Виктория, Зорин Виктор, Искварин Валентин, Искварина Александра, Клир Елена, Остромина Арина, Платунова Анна, Роз Рената, Слауцкая Ольга

Редактор Ольга Лисенкова

Дизайнер обложки Рената Роз

Корректор Арина Остромина

© Ольга Лисенкова, 2021

© Виктория Данген, 2021

© Виктор Зорин, 2021

© Валентин Искварин, 2021

© Александра Искварина, 2021

© Елена Клир, 2021

© Арина Остромина, 2021

© Анна Платунова, 2021

© Рената Роз, 2021

© Ольга Слауцкая, 2021

© Рената Роз, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-2980-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Многие персонажи славянской мифологии известны нам из сказок, однако современные представления о них зачастую искажены. Наши предки верили, что мир вокруг населён самыми разнообразными существами, куда ни кинь взгляд: свой дух может быть у любого ручейка, у любой постройки. Разумеется, большинство таких «соседей» недоброжелательны, и люди вынуждены прилагать усилия, чтобы с ними ладить.

Особенно близки к грани между мирами живых и мёртвых (или мирами человеческим и нечеловеческим) оказываются те, кто пересекал её недавно, – младенцы и дети; те, кто прожил долгую жизнь, – старики и старухи; а ещё те, кто заглядывает за эту грань, – беременные женщины.

Что может быть интереснее, чем нырнуть в мифологию и на основе этих мотивов создать современные мистические истории?

Мы начали работу над сборником в 2019 г. Первой отозвалась Александра Искварина, наш постоянный автор, и её рассказ вы прочтёте первым. В 2020 г. Александра ушла из жизни. Это стало для нас ударом. Наш сборник мы хотим посвятить её памяти – с любовью и болью в сердце.

Ольга Лисенкова

Гореть не страшно Александра Искварина

Горячо. Так горячо и больно. И так хорошо. Так может быть? Так должно быть? Видеть эти глаза – и гореть... гореть... и умирать... гореть не страшно...

- Большаков. Не ходи послезавтра на футбол.
- Чего-о? Отвянь, Шутихина. Да чего ты вцепилась!
- Не ходи, говорю. Умрёшь.
- С-совсем больная?! Отвали, говорят!
- Большаков!..

Откуда взялся этот микроавтобус? Вылетел из-за сугробов и нёсся, визжал клаксоном прямо на Кольку. Катя застыла, не в силах больше ни кричать, ни бежать, ни дышать. Внутри разлилось горячее, душное, густое отчаяние, тело будто зачленело.

А он, вместо того чтобы шагнуть обратно на тротуар, обернулся и смотрит на неё, мимо неё, сквозь неё...

Поздно. Всё – поздно.

Кто-то кричал. Кто-то отпихнул девчонку с дороги прямо в сугроб. Собралась толпа. Глухо выла сирена скорой.

Сколько Катя просидела в снегу? Одежда вымокла и одеревенела на морозце. Катя не стала смотреть, как безжизненную куклу Колю загружают в машину. Пересилила стылое равнодушие. Выбралась на тропу, пьяно виляющую по спине погребённого под снегом тротуара. Добрела до дома. И только в подъезде её накрыло, да так, что не осталось сил шагнуть на ступени.

– Что ж ты за debil-то, Колька Большаков! – шипела она сквозь зубы, задышалась, цеплялась за перила, давилась клокочущим в груди горячим бешенством. – Я же говорила тебе! Я же тебе говорила!

Два дня назад она пыталась предупредить его. Но кто ж будет слушать Кутихину-Шутихину? Сначала поржал, потом обругал, потом толкнул так, что Катя грохнулась на пол: до сих пор копчик ломит... Ну и кто теперь debil, а, Большаков? Кого теперь в морг увезли?

Катя обессиленно привалилась спиной к изрисованной маркерами стене под лестницей. Зажмурилась, но слёзы так и остались где-то внутри, дрожа раскалённым свинцом за грудиной.

Горячо... так горячо...

Почему она не смогла убедить его? Ведь он даже поверил на секунду, испугался. Потому и толкнул её так сильно. Она видела его глаза. Красивые, тёмно-серые, обрамлённые густыми чёрными ресницами – распахнулись так широко, на дне плеснула жуть... Почему она не заговорила с ним ещё раз? Пусть бы злился! Нет – струсила. Ни на что не годная. Как всегда. Бессмысленная уродина.

Кто-то зашёл в подъезд, и Катя метнулась по лестнице на свой второй этаж, влетела в квартиру, захлопнула дверь. Хорошо, что родители днём на работе. Катя стянула мокрую одежду, кое-как развесила по батарее сушиться. Забралась в свою комнату, забилась в угол между стеной и шифоньером, вытянула из-под него коробку, вцепилась в спицы. Из-под пальцев потянулось странное несимметричное кружево, тёмно-багровое с белым. Нити сплетались сами собой, а Катя смотрела невидяще.

Опять не смогла. Ни словом, ни делом. Как всегда. Бездарь... Правильно её все ненавидят. Только и может, что каркать, как тупая ворона.

Зачем ей вообще было являться на этот свет? Всем мешает, всем чужая, лишняя. Ещё и уродина. В школе вечно как-нибудь обзывают. Нынешней осенью, вот, придумали новую

кличку – «Три-дэ»: «Достопримечательность Девятого „Д“ и такая уродина, будто её для криповой игрушки отрендрили». Тощая, ноги кривые, руки-крюки постоянно всё роняют, голова на худой длинной шее кажется карикатурно огромной, растрёпанные лохмы, уши – лучше вообще про них не думать... Что б ей было не помереть, едва родившись?

Мать рассказывала, как намучилась, пока Катя была маленькой и всё время болела. К пяти годам едва научилась ходить, до шести с трудом говорила. Комиссии, логопеды, массажисты, неврологи, дефектологи – к кому только мать не водила своё маленькое тощее затравленное горюшко. Думали поставить диагноз «умственная отсталость», отправить в спецшколу. Но в шесть с половиной лет Катя вдруг заговорила, сама выучилась читать и писать. И вязать. Больше всего на свете ей нравилось сидеть где-нибудь в углу и разбирать спутавшиеся пасмы пряжи, сматывать их в клубки, раскладывать по цветам. Когда мать наконец-то разрешила взять в руки спицы, из-под них потёк нескончаемый поток полотна. Мать сначала обрадовалась бурному прогрессу. Но потом увидела, что, несмотря на все её старания научить дочь вязать что-то осмысленное, из-под спиц выходила такая несуразица, что становилось даже жутко. Мать снова принялась в отчаянии таскать дочь по врачам. Перед самой школой доктора сошлись на каком-то диагнозе, но посоветовали вести ребёнка в обычную школу: инклюзия, развивающая среда, социализация и ещё много умных слов запомнила и вплела в свои узоры Катя.

Горячо... Душно и горячо...

Нить свивается, скручивается, складываются петли, нанизываются на деревянную спицу, соскальзывают с лакированного кончика, скрещиваются в непонятном порядке. Тонкие пальцы двигаются быстро, неровно, глаза полузакрыты, под бледными веками мертвенно мерцают белки...

Она снова видит багровое на белом. Белое на багровом. Почему ей так важно было предупредить Кольку? Что ей за дело было до него? Он был ей никто. Как и все остальные. Он не видел её, не замечал. Может, в этом дело? Не обзывался, не доставал, не доводил, не приводил дружков из параллельного класса – попятиться, как в зверинце. Не ухмылялся каждый раз, когда наталкивался на неё взглядом. Не улыбался, но и не скалился глумливо. На него единственного ей было приятно смотреть. Пока за спиной не пополз гаденький шепоток: «Влюбилась! Гы-гы, прикиньте, Три-дэ в Большакова втюрилась! – Да ты гонишь?! – Да ты глянь, как она на него пялится! – Фу, блин, я бы от ужаса сдохла. Она так смотрит, что я аж вся чешусь! – Бедный Большак, вот повезло-то... – Да ему пофиг, ты чего, Кольку не знаешь? Непрошибаемый. – А чего, сама запала? – Ой, да иди ты!» Зудят, зудят, как мухи, шепчутся, хихикают. Крысы подпольные-заугольные. Чтоб у вас лысые хвосты повырастали!

Но ехидный шепоток въелся в память. Влюбилась? Разве это так бывает? Разве она вообще это умеет? Она же всех ненавидит, просто – всех. А если не ненавидит, то лишь как-нибудь терпит. Ей всегда лучше всего одной, дома, в своём углу. Тогда почему она глаз не сводит с этого дурацкого пацана? Почему так горячо внутри?

Горячо... И так больно...

Белое на багровом. Багровое на белом. Тело, кровь, снег. Нить бордовая, нить белая. Скручиваются, оплетают одна другую, свиваются и разбегаются. Чёрные полосы перечёркивают узор неожиданным контрастом. Ветви. Голые мокрые ветви хлещут по лицу, цепляют за подол, опутывают руки сухими лианами. Она продирается через кусты. Заблудилась. Тропы нет. Ничего не видно за густым сплетением веток и листьев. Сумерки. Листья кажутся чёрными кляксами, такими же чёрными, как ветки. Но вот – прогал, размокшая, в лужах, дорога. Вдали смутно темнеют треугольники крыш. Жёлтые огни в паре окон. Деревня?

Горячо и больно...

Очнулась в слезах, отбросила вязание.

Как хочется домой! Мама, мамочка, я хочу домой!!!

– Мама, а я...

– Что? Кать, говори громче!

В раковине шумит вода, тарелка встаёт на сушилку с резким нервным стуком.

– Мам, а я точно ваша?

– В каком смысле?

Мать не смотрит, продолжает мыть посуду.

– Ну... Может, вы меня удочерили...

Всё-таки она оборачивается. Отец со стуком ставит кружку, чай выплёскивается на стол.

– Кать, ты опять? Хорош глупости болтать, мать не расстраивай.

Странное выражение скользнуло по маминому лицу. Очень знакомое, но так щедро сдобренное чувством вины, что Катя никак не может его распознать. Да, она не в первый раз задала этот вопрос. Но только теперь, кажется, поняла, что значит мамина гримаса. Да кто бы её такую удочерил-то, в самом деле?! Удочеряют милых красивых девочек с локонами и бантиками, а не чёрных ошипанных воронят, у которых коленки во все стороны и уши как локаторы. Надо уже перестать спрашивать. Маме и так с ней не повезло, стыдно на улицу вместе выйти, стыдно подруг в гости пригласить...

Но почему снова и снова возвращается это видение: лес, сумерки, деревня? У Кати не было бабушки, к которой её возили бы на лето, Катя никогда в жизни не была в деревне, у них даже дачи не было. Но там, рядом с этими чужими окнами, её охватывало острое чувство *дома*. А тут она была – чужая. Будто ошиблась адресом, родилась не в ту семью.

Больно и горячо...

После Большакова жить в классе стало неожиданно легче. Кутихиной устроили бойкот. То ли кто-то случайно слышал её разговор с Колькой, то ли он сам рассказал и одноклассники решили, что это Три-дэ его прокляла за то, что не обращал внимания. Никто теперь не заговаривал с ней, никто не дразнил, не насмехался, не обсуждал, даже не смотрел в её сторону. Наверное, они думали, это её заденет. Или боялись и считали, что лучше совсем не связываться. В любом случае Катя вздохнула с облегчением. Как-то дожила до конца девятого класса, как-то на тройки сдала всё, что полагалось сдать. Десятый пролетел в таком же полусне. Только летом перед одиннадцатым она вдруг словно проснулась. Или наоборот?

Ей снова стала грезиться деревня. Катя часами стояла там, в кустах, среди нескончаемых сумерек, и страстно жаждала, и отчаянно боялась сделать хоть шаг, чтобы видение не расплылось, не осыпалось хлопьями гари и пепла. Но однажды всё-таки решилась. Мокрые ветки хватали её цепкими сучьями, но Катя вырвалась из их ледяных пальцев и медленно, оглядываясь, побрела по раскисшей дороге к домам. Вот в том, третьем с краю, свет горел ярче всего. Добротный штaketник отделял палисадник от улицы. Крепкое крыльцо с козырьком манило горячей лампочкой, уютно прикрытой круглым матовым шаром плафона. Катя осторожно просунула руку между штaketин, откинула символический крючок, шагнула на дорожку. В доме за белыми шторами двигались тени. Катя подобралась к самому окну и заглянула в щёлку между занавесок. И увидела... себя. Только гладко причёсанную, с красиво заплетённой косой, в опрятном жёлтом халате вместо потасканного спортивного костюма. Рядом стояла незнакомая женщина, что-то показывала в кулинарной книге, а Катя-не-Катя отвечала, кивала и улыбалась...

Горячо!

Спицы со звоном упали на пол, клубки скатились с колен и в панике скрылись под кроватью.

Мама! Мамочка, мама, забери меня, где ты, мама! Я не хочу здесь!

Душно! Больно! Страшно!

Катя метнулась из комнаты в прихожую, не зажигая света, вскочила в растоптанные шлёпки и вылетела на улицу.

Дышать! Нечем дышать...

Двор плотно обступали многоэтажки. На детских площадках пусто: слишком поздно для прогулок, даже подростки куда-то разбрелись. Катя взгромоздилась на качели, вцепилась дрожащими пальцами в холодные железные подвесы, застыла и долго сидела так, жадно хватала воздух пересохшим ртом. В висках стучало и пульсировало, тьма с неба заливала весь двор и подступала к самому горлу. Но Катя не двигалась. Пусть топит! Всё равно.

Она не знала, сколько просидела так. Пришла в себя от неуместного в ночном дворе звука: громкий сухой треск разорвал тишину, как старую тряпку. Катя вздрогнула и невольно повернула голову на звук. Треск раздавался сверху. Прямо над её домом, звонко рассыпая красноватые искры, падал с неба метеор. Огромный, похожий на фейерверк, только летел он не вверх, а вниз по пологой почти горизонтальной дуге, оставляя позади дымный хвост. Катя смотрела, разинув рот, и суматошная мысль билась в её голове: «Желание, загадать желание, домой-домой-домой! Как я хочу домой, заберите меня отсюда!»

Метеор догорел. Тьма снова вернулась во двор, только Кате больше не было душно. Она качнулась вперёд-назад, качели недовольно скрипнули, но послушно понесли её вверх, потом назад, но всё равно вверх. Вверх! Вверх! Не может быть, чтобы такая необыкновенная падучая звезда не исполнила её желание! Вверх! Вверх! Она будет ждать! Она непременно дожждётся!

Гореть не страшно!..

В самом начале сентября в 11 «Д» пришёл новичок. В первый момент Кате почему-то показалось, что это зашёл Колька Большаков... Она вскочила, панически хватая воздух: нет-нет, только не это, не может такого быть! Новичок обернулся, и Катя рухнула обратно на стул. Не Колька. Как она могла такое выдумать? Даже близко не похож! Когда вообще у Большакова были такие ухоженные золотистые локоны до плеч?! Кутихина съёжилась, забила поглубже в свой угол, спряталась за спинами. Красавчик-новичок уже знакомился с Веркой и Дашкой. Вот и пусть. Чем дольше получится не попадаться ему на глаза, тем дальше тот позорный момент, когда человек смотрит и практически всем телом говорит: «Это ещё что за чудище?!»

Всё-таки Катя зачем-то постаралась пригладить космы и потуже затянуть их в тощий хвост. Но продолжила прятаться, да так удачно, что столкнулась с новичком уже после уроков, когда класс опустел. Она специально долго копалась, чтобы выйти последней. И тут явился он. Забыл в своей парте какую-то тетрадь, нырнул почти с головой во внутреннюю полку, разогнулся и уставился на Катю. Ну, конечно, весь набор. Удивление, недоумение, жалость, неприязнь, насмешливая улыбка скривила красивые губы.

– Это ты, что ли, Три-дэ?

Катя молча сглотнула, но почему-то не смогла отвернуться, как собиралась, стояла и смотрела исподлобья в упор. Вот что за издёвка природы? Почему этому гаду досталось такое киношное личико? Яркие губы, тёмные брови, прозрачные глаза – жёлтые, в тон цвету волос.

– Я Катя, – выговорила она сдавленно. – Кутихина.

– Хм. А я Креслав Огневски.

Новичок отвесил такой пафосный поклон, что Катя не поняла, действительно ли его так зовут или он просто издевается.

– Креслав?

– Польское имя, – пояснил он. – Лучше просто Слава.

Ах вот оно что. Это не голос у него странноватый, а просто лёгкий акцент.

– Ясно...

– Ну, до завтра, Катя Кутихина.

Полыхнул улыбкой, махнул тетрадкой и выбежал, совсем не в тон своему картинному представлению. Катя осталась стоять, перебирать так и не сложенные в пенал карандаши, смотреть в закрытую дверь.

На следующий день Катя неслась в школу так, что самой было странно. Чего она ждала вообще? На что надеялась? Думала, он придёт, посмотрит, поздоровается? Размечталась, ворона безмозглая. Славка за весь день ни разу не взглянул в её сторону. И за всю неделю тоже. Это Катя провожала его глазами, чтобы он ни делал, с кем бы ни говорил. Через пару недель это заметили, по классу пошли неприятные шепотки. А потом Верка подошла к Славе и громко, даже не подумав понизить голос, заявила:

– Слушай, ты осторожнее с Три-дэ. Она проклятая. Знаешь, что у нас в девятом классе было? Она на одного пацана запала, и он умер.

– Да ладно? – Красивые брови удивлённо взметнулись, жёлтые глаза впервые за почти месяц скользнули в сторону растрёпанной девчонки на задней парте. – Так вот прямо и умер?

– Да. Шёл на секцию, а она за ним. Машина его сбила. Не веришь, спроси у классухи. Большаков его звали. Нормальный пацан был, жалко.

Огневски пожал плечами, отвернулся:

– А я-то при чём?

Верка схватила его за рукав, притянула к себе поближе, заговорила, горячо дыша прямо в щёку:

– А ты не заметил, что она с тебя глаз не спускает?

Слава снова обернулся. Катя вспыхнула и чуть было не отвела глаза, но сцепила зубы и продолжила вызывающе смотреть на сплетников. Щёки Славки неожиданно пошли пунцовыми пятнами, будто Катино скрытое смущение долетело до него по воздуху невидимым снарядом и ударило прямо в лицо. Он выдернул руку и раздражённо отпихнул Верку. Бросил сквозь зубы:

– Сплетни ваши бабские не интересны.

Тут уже покраснела Верка, крикнула ему в спину:

– Дурак, о тебе же беспокоятся!

Славка ничего не ответил и вышел из класса. Верка топнула ногой, подхватила сумку и побежала следом, едва не падая с каблучков. А Катя вдруг поняла, что улыбается.

Горячо. И так хорошо. Так может быть?

Спустя несколько дней, пробираясь через толкучку возле спортзала, Катя услышала, как Славка спросил у кого-то из пацанов:

– Слушай, а чего с ней не так?

Он не назвал ни имени, ни прозвища, но внутри всё моментально заиндевелось и ухнуло в ноги: о ней! Ответ подтвердил подозрения.

– Да фиг её знает, вроде аутизм у неё, что ли. Стрёмная, в общем. К доске никогда не выходит, все уже привыкли.

– А что за байка про пацана, который умер?

– А, Колян... машина его сбила. Только Три-дэ тут при чём?

– Да девчонки говорят, это она его проклала.

– Пф, вот дуры! Слушай их больше. Но вообще Кутихина реально такая... вроде тихая, но умеет отомстить. Я однажды по приколу у неё учебник спрятал, давно уже, классе в третьем. Так она, оказалось, всё видела, и когда училка её стала спрашивать – сдала меня и показала, где учебник. Коза. Могла бы пойти да забрать сама. Другой раз девки её задирали, толкали, а она молча так отступала от них, отступала, и все вдруг оказались прямо рядом с учительским столом, ещё и тетрадки пороняли с него. Понятно, девкам прилетело. Короче, тихая, но хитрая. Связываться себе дороже.

Уже возле дверей раздевалки Катя обернулась и столкнулась с любопытным взглядом жёлтых глаз. Кажется, Славке не понравилась её нечаянная кривоватая улыбка. Плавленное золото окатило с ног до головы презрением и скрылось за чёрной сетью ресниц. Стало тошно и холодно, словно она опять запуталась в мокрых ивовых кустах. Катя повернулась, отпихнула

кого-то, собиравшегося зайти следом за ней в раздевалку, и зашагала прочь по коридору, раз-
машисто, неизящно, рвано, вцепившись в ляпку рюкзака и глядя в пол прямо перед собой.

Чего ради расспрашивать, если всё равно смотришь с отвращением? Что тебе до меня, Огневски? Иди, сияй другим, отстань от меня!

Горячо. Так горячо и больно...

За две недели до конца октября класс, как обычно, провалился в подготовку к Хэллоуину. Катя о вечеринке даже не думала. Ей хватало ежегодных шуточек в духе «приду на Хэллоуин, в гриме не нуждаюсь». Опять быть посмешищем? Она им не клоун.

А Славик загорелся. Сказал, в прошлой школе Хэллоуин не отмечали, и теперь он намерен оттянуться по полной. Катя повторяла про себя: «В добрый путь. Без меня» – а у самой всё мешалось в голове...

Так должно быть? Видеть эти глаза – и гореть...

Она пришла последней. В классе уже погасили свет, и только буйные тени скакали под громкую музыку, сверкали пряжками, украшениями, взметали полы плащей. Катя тоже закуталась в чёрный плащ с капюшоном, спрятала лицо за маской птицы с длинным клювом, скользнула в угол возле самой двери, замерла, вглядываясь в пляшущие фигуры. Вон он! Волосы разбросаны по плечам, торс обтянут чёрным с искрой камзолом, лицо раскрашено под какую-то бледную нечисть, глаза так и сверкают алым, рыжим, золотым под вспышками цветомузыки.

Под радиохэдовскую «Сгеер» златоглазая нечисть двинулась прямо к забившейся в угол чёрной птице. Катя метнулась удрать, но не успела, запуталась в его руках, споткнулась о плав-
ленный взгляд и покорно позволила обнять себя, утянуть на танцпол, закачать упавшим пером по неровным звукам, как на качелях – вверх! вверх! вверх!

Что я делаю здесь? Мне здесь не место!

Больно... плевать. Хотя бы раз в жизни посмотреть в чьи-то глаза прямо, не прячась, не думая, не опасаясь, не пытаясь бежать, бежать, бежать... Длинные тонкие пальцы скользнули к её голове, просеменили по краю капюшона, подцепили маску, скользнули под неё – по щекам... Катя застыла на месте. Он смотрел ей прямо в глаза и медленно стягивал с её горящего лица птичий облик. Почему она не сопротивилась?

Музыка смолкла. На пару десятков секунд, пока диджей что-то мудрил с дисками, в классе стало абсолютно темно. Только голоса и шелест одежд. И стук упавшей маски. И обжигающие ладони на щеках.

Грохнул тяжёлый гитарный риф, полыхнули алым огни. Катя опомнилась, отпихнула горячие руки, попятилась, врезалась в кого-то, развернулась и вылетела прочь из класса.

Коридор, эхо музыки шарахается по стенам, эхо панических шагов сталкивается само с собой, лестница – вниз! вниз! вниз! Сердце разносит вдребезги грудную клетку, лестничную клетку, черепную коробку, школьный вестибюль, руки, ноги, ступени, ступени – вниз!

Душно и горячо...

Задышающийся оклик в спину:

– Кать! Стой, провожу!

Вот сейчас она умрёт совсем навсегда.

Так он знал, что делает! Он знал, с кем танцует! Зачем?!

Она хотела спросить это вслух, но так и не смогла. Просто позволила ему шагать рядом. Молчала. Он тоже молчал. А у подъезда взял за руку, остановил. Повернул к себе.

Снова пальцы бегут по краю капюшона, замирают на мгновение – и скользят по лицу. Такие горячие пальцы. Ладони, щёки, губы... Такие горячие губы...

Гореть и умирать... гореть не страшно...

Мокрые ветви высохли, обуглились и осыпались золой. В небе над спящей деревней горит огненный метеор, несётся над крышами, рассыпает ишпучие искры.

Гореть не страшно!

Возвращаться в школу после осенних каникул было жутко. Катя собирала по кусочкам хэллоуинский вечер и никак не могла сложить их в единую картинку. Да была ли она там? Может, ей просто всё привиделось в очередном трансе, пока пальцы и спицы сплетали безумные узоры из ниток? Не мог же он!.. Или мог?

Перед классом натянула на голову капюшон чёрной толстовки, лицо завесила космами, зашла, скользнула вдоль стены на привычное место. Спряталась за спинами, распласталась по парте, загородилась учебником. Осталось только слушать, выслушивать в шуме его голос.

– О, привет, Славик! – Верка. Как всегда кокетливо-ехидная. – Ну что, провёл каникулы в режиме «Три-дэ»?

По классу прокатился смешок, будто круги от брошенного камня. Катя замерла, вцепившись в края учебника так, что пальцы онемели.

– Не понял, – отозвался голос Огневски равнодушно.

– Да ладно! – хохотнула Верка. – Как будто никто не видел, как ты с Кутихой-Шутихой уходил!

– А что, она сказала что-то?

Почему он задал такой странный вопрос? Будто не знает, что с ней никто не разговаривает... Впрочем, Верке только дай повод поёрничать.

– А ка-ак же! Всё-всё рассказала, аж захлебнулась от счастья!

Слава прищёлкнул пальцами, неприятно хохотнул и провозгласил:

– Хе-хе... Шалость удалась!

Значит... Ну да, теперь весь класс пялится на неё. Значит, ей не привиделось. И значит, всё это было очередной издёвкой. Сволочи... Знать бы, кто придумал. Знать бы, как на самом деле уметь проклиная!

Катя вскочила, продолжая стискивать учебник так, что листки смялись. Глумливые смешки примолкли. Кутихина вышла из-за парты, сделала пару шагов в сторону Огневски и вдруг с силой швырнула книгу прямо ему в лицо. Успела заметить, что угол твёрдой обложки попал ему по губам, поранил до крови. Так тебе и надо! Так тебе и надо, гад! Ненавижу! Утирай теперь свою мерзкую смазливую рожу!

Больше всего хотелось выбежать прочь. Но Катя подобрала учебник, краем рукава отёрла запачканный кровью уголок, изобразив всё отвращение, на какое только было способно её неказистое лицо, отвернулась и села на место.

– Ты сдурела?! – заорала Верка.

Но тут в класс вошёл учитель, и все спешно разбежались по местам. Катя больше ни на кого не смотрела. А после уроков, натягивая в раздевалке куртку, вдруг обнаружила в кармане что-то мелкое, круглое, как будто горошины. Сгребла в горсть и вынула... браслет, даже скорее чётки из деревянных тёмно-коричневых бусин. Оглянулась опасливо, не ждут ли у выхода. Вдруг специально подложили, чтобы обвинить в воровстве? Но одноклассники давно разошлись. Катя перерыла все карманы и больше ничего не нашла, ни записки, ни вещей. Хмыкнула, пожала плечами, надела чётки на худое запястье, затянула завязку. Мило. Спрятала украшение под рукав и пошла домой.

Всю неделю однокласснички потешались над «удачной шуткой» Славика, но вскоре прикол наскучил. А в следующий понедельник Катя нашла в кармане кольцо, да не какое-нибудь простенькое, а явно сделанное на заказ – вместо камня птичья голова вроде совиной, палец охватывают раскинутые крылья с тонко вырезанными перьями. Да что ж такое? Новая выдумка шутника Огневски, что ли? Он совсем рехнулся?

На следующий день Катя подкараулила Славку, выскочила из-за угла прямо перед ним, протянула кольцо и спросила в лоб:

– Твой юмор?

Огневски запнулся и внезапно опять пошёл весь ото лба до шеи пунцовыми пятнами. Глянул исподлобья, буркнул:

– Не нравится – выбрось.

Обошёл Катю и молча ушёл. Ей бы стоило швырнуть кольцо ему вслед. Очень нужны ей такие подарки, за которые потом опять терпеть издевательства! Но... Катя вздохнула и оставила всё как есть. На следующей неделе её карманы пополнились ещё парой вещичек. Катя уносила их домой и больше не приставала к Славке с вопросами. Непонятно, что происходит, но вроде бы ничего плохого... Да, она дура, конечно, если после всего ещё надеется на что-то человеческое. Опять всё закончится какой-нибудь дрянью. Но... Его пылающее лицо и бегающие глаза... Горячие пальцы, щёки, губы... А ещё ладони. В последнее время он то и дело задирает её, язвил, высмеивал. Но как только оказывался рядом, проходил мимо – его ладонь вцеплялась ей в локоть или хватала за руку, сплетая пальцы так, что становилось больно дышать...

Катя бросила вязать, рано ложилась в постель и часами грезилась, прокручивая снова и снова то танец, то поцелуй возле подъезда, то эти мимолётные рукопожатия.

Гореть не страшно!

Незадолго до Нового года Верка устроила истерику прямо посреди урока литературы. Перед этим была физкультура, и кто-то стащил из раздевалки её любимый латунный браслет с выгравированными восточными узорами. Училка устроила из этого шум на весь урок, вызвала директрису, всех заставили вытряхнуть на парты содержимое рюкзаков. Браслет не нашёлся. Пока разбирались, выяснилось, что в последнее время у многих что-то пропало. Катя слушала про деревянные чётки, кольцо-сову, чокер с сердечком, феньки и готова была провалиться сквозь пол до самого подвала. Покосилась на Огневски. Тот стоял перед своим распотрошённым рюкзаком с безмятежным выражением лица. И, конечно, в кармане куртки в раздевалке Катя нашла тот самый проклятый Веркин браслет. Подумала даже вернуть, мол, нашла в коридоре. Очень уж Верка о нём убивалась, кажется, это был чей-то подарок. Но как бы это выглядело?

Славка, кажется, совсем псих. Что творит? Зачем?

Меж тем приближался Новый год. Катя снова засела за спицы. В кои-то веки у неё получилась почти нормальная вещь – большой тёплый шарф с узором косами. Странноватый, как будто два рукава от огромного свитера, но по-своему стильный. Во всяком случае, Кате так показалось. Она решила подкинуть подарок Огневски, как это делал он сам. Повесила пакет под его куртку и сбежала.

Но он её догнал. Схватил за руку, развернул к себе – и Катя невольно шарахнулась от его перекошенного бешеного лица.

– Что это?! – прошипел он яростно, едва не брызгая слюной. – Что это, я тебя спрашиваю! Как ты меня достала! Отвяжись уже, хватит меня морочить!

Катя так опешила, что молча позволила намотать себе на шею злосчастный шарф, да так, что он чуть не придушил её. Славка схватил Катю за плечи, потом за концы шарфа, притянул к себе близко-близко...

– Ведьма проклятая... ты что со мной сделала!

Дрожащие губы выдохнули это ей прямо в лицо и больно впились поцелуем. Руки обожгли щёки, шею, стащили шарф, вцепились в плечи. Катя лишь безвольно зажмурилась. Пусть делает что хочет... пусть сожжёт её дотла, испепелит прямо здесь, в душном школьном коридоре... пусть всё закончится... пусть всё никогда не кончается... Искры алого метеора шипели и плавилась в её крови, прожигали насквозь, до костей, плавилась в его ошалелых глазах, жгли его ошалелыми пальцами...

– Ведьма проклятая... ненавижу тебя...

Что-то холодное ударило её в спину так, что заломило лопатки. Стенка. Это Славка толкнул её и убежал, сжимая в руках несчастный шарф. Ноги подкосились. Катя сползла на пол

и просидела так... никогда не вспомнить сколько. Пока вахтёрша не подошла и не отругала за то, что сидит на холодном полу. «Насидятся, дурынды, позастудят себе всё на свете, мучаются потом... Марш домой, бестолковая! Темень уже не знаю какая».

Неделя до Нового года прошла как в чад. Катя почти перестала учиться, все четвертные контрольные писала наугад и не смотрела на оценки. Мир вокруг колыбался и плавился в золотом мареве глаз и задыхающемся шёпоте: «Ведьма проклятая... ненавижу тебя...» Вот он смотрит на Дашку, а Кате кажется – на неё. Вот он говорит с Лёхой, а Кате слышится: «Ведьма проклятая...»

Вечерами она снова пряталась дома в своём углу, спицы мелькали, как обезумевшие, а перед глазами метались незнакомые образы. Катя больше не видела деревню, что казалась ей домом. Это место больше было похоже на больницу, точнее, на роддом. Там было много беременных женщин. И даже мама. И ещё одна. Лежали в одной палате, родили в один день, вместе радовались, показывали друг другу дочек и забавлялись тому, как же они похожи. А ночью та, вторая, встала, забрала из люльки мамину дочь, положила вместо неё свою и тенью скользнула за дверь...

Мама, зачем? Зачем ты бросила меня? Я хочу домой, мама! Я не могу здесь!

Горячо. Так горячо и больно. И так хорошо...

Креслав Огневски, чтоб тебе пропасть! Если б не ты – сидела бы дома, вязала в своём углу, смотрела картинки про настоящую маму. Но нет. Нет никаких сил.

Новогодняя дискотека гремела и полыхала. Огромная ёлка в углу класса истерически моргала цветными лампочками, не попадая в ритм цветомузыки, но всем было плевать. Шелка, блёстки, мишура, усыпанные пайетками накидки и маски скакали и мельтешили в бешеном хороводе. Катя не разбирала ни музыки, ни лиц, ни голосов. Кроме одного. Сегодня он оделся в алое. Катя не поняла, что это за костюм, да ей было всё равно. Она, как всегда, в чёрном, в том же плаще с капюшоном, в той же маске. Какая разница.

The world was on fire and no one could save me but you...

Руки нашли горячие пальцы. Он обернулся, вздрогнул, но руки не отнял.

It's strange what desire will make foolish people do...

Рука к руке. Тело к телу. Пальцы бегут по краю капюшона, срывают маску и снова вцепляются в плечи.

I'd never dreamed that I'd meet somebody like you...

Пусть весь этот класс, весь этот мир катится в ад. В пылающий плавленным золотом, прожигающий насквозь ад.

And I'd never dreamed that I'd lose somebody like you...

Катя не заметила, как и когда он увёл её в самый угол класса. Втолкнул в тёмный закуток за шкафами, где была свалена верхняя одежда и сумки одноклассников. Чёрный плащ рухнул в общую кучу. Алый плащ медленной лавой скользнул следом.

Руки, губы, глаза.

Тьма. Пламя.

Шипучие искры падают с неба, обжигают щёки, шею, плечи, спину.

*Nobody loves no one...*¹

Горячо. Так горячо и больно. И так хорошо. Так может быть? Так должно быть? Видеть эти глаза – и гореть... гореть... и умирать... гореть не страшно...

¹ «Wicked Game», Крис Айзек Мир горел в огне, и никто, кроме тебя, не мог спасти меня. Так странно, на что толкает желание глупых людей. Никогда не мечтал я встретить кого-то вроде тебя. Никогда не мечтал я потерять кого-то вроде тебя... Никто не любит никого... (перевод автора)

Гостиная выглядит непривычно и как-то дико. Ах да. Это потому, что все зеркала, даже в серванте, завешены чёрной тканью... Антонина сидит в кресле, теребя манжет чёрной блузки. Муж смотрит телевизор. Диктор новостей тараторит сплошным потоком, она не может разобрать ни слова, пока не узнаёт вдруг название родного города.

– Ужасная трагедия произошла в одной из школ во время новогодней дискотеки. Из-за неисправной электропроводки в одном из классов возник пожар. Двое учеников оказались заблокированы горящей мебелью, к сожалению, пожарным так и не удалось пробиться сквозь пылающий ад...

– Петь. Выключи.

Голос Антонины так сипит, что муж даже не сразу понимает, что это она заговорила.

– Петя, выключи, пожалуйста!

Он вскакивает, поспешно нажимает кнопку пульта, садится рядом, обнимает. На подлокотнике неудобно, но что ж поделать...

– Тонечка, хорошая моя... Всё, я всё выключил, прости, пожалуйста.

Тонкие холодные руки отталкивают его, Антонина поднимает лицо с безумными отчаянными глазами, сипит безголосо:

– Петь, я ужасная мать.

– Тоня. Тонечка, ну что ты говоришь?..

– Нет, послушай! Послушай, я должна это сказать. Петя. Я рада, что Кати больше нет... Понимаешь? Я должна быть в ужасе и горе. И я в ужасе. Но не от горя, Петя. Я в ужасе, потому что мне не больно! Петя, я ужасный человек, ужасный!

Она утыкается мужу в плечо, конвульсивно вздрагивая от рыданий. Пётр укачивает её, бормочет что-то невнятное про «пойдём к психологу», жена отталкивает его, кричит в истерике:

– Ты не понимаешь, Петя! Мне не нужен психолог! Мне не нужна терапия, не нужен траур!

Она срывает платок с головы, вскакивает и принимается стаскивать ткань с зеркал, продолжая сипло выкрикивать:

– Я чувствую об-лег-чение! Она всю жизнь была мне как чужая, понимаешь. Я... я боялась её! Ты просто не знаешь, ты не видел... Ты когда-нибудь заглядывал в её комнату? Пойдём! Я должна тебе показать!

– Тонечка...

– Пойдём!

Как-то так вышло, что отец практически не заходил в комнату Кати. Уважал личное пространство. Теперь это пространство оказалось пугающе чужим и странным. Всюду разбросаны клубки и перепутанные комки ниток. Угол за шифоньером завален странными вязаными... вещами. Пётр не нашёл им названия. Эта комната, этот угол походили на логово огромного безумного паука. Стенка шифоньера оказалась исцарапана, словно её много раз драли ногтями. Обои замызганы и исписаны карандашом. Пётр наклонился поближе и, чувствуя, как волосы на затылке становятся дыбом, прочёл:

*Мамочка, мама, где мой дом?
Дом твой под этим мокрым кустом.
Мамочка, мама, где моё тело?
Тело твоё до угольев сгорело.
Мамочка, мама, где моё сердце?
Сердце в руке его сжато до смерти.
Мамочка, мама, где же душа?
Дух огнеглазый унёс в небеса.*

*

По народным поверьям, черти или ведьмы иногда воровали детей, оставляя в колыбели **подменышей**.

Кутихой наши предки называли дух в облике женщины, который обитает в куте, то есть в углу, дома. Обычно кутиха занимается ткачеством, что сближает ее с кикиморой.

В России, Украине, Беларуси, Польше люди верили в летавцев. **Летавец** – нечистый дух, огненный змей, который, как верили, приходит на землю в виде «падучей звезды» (метеора) и принимает облик знакомого человека, например, покойного мужа женщины, чтобы вступить в порочную связь с вдовой.

Дитятко Виктория Данген

— А вот зачем, — отвечал он тоненьким голоском, затем, — прибавил он густым басом, — что твой батюшка всему дому валежки сшил, а мне, маленькому, — заговорил он снова тоненьким голоском, — ни одного не сшил, а теперь мне, маленькому, холодно, на дворе мороз, гололедица, пальцы костенеют.

— Ах, жалкийкий, — сказал я сначала, но потом, одумавшись, — да какие пальцы, негодный, да у тебя и рук-то нет, на что тебе валежки? *«Игоша», Владимир Одоевский, 1833 г.*

Юзер Ирина Носова 31 мая:

«Эко-отдых! Бесплатно!

Добрые люди! Милости просим к нам в гости в благодатный Краснодарский край в деревушку Новозаречную. Приезжайте с детишками. Живите в нашем доме, ешьте всё, что уродится в нашем саду. Никакой оплаты не надо! Взамен лишь просим присмотреть за домом и хозяйством. Заинтересованным просьба писать в личку. Ответим всем, но предпочтение отдадим одинокой женщине с детками».

Татьяна несколько раз перечитала свежее сообщение в любимом сообществе в сети «ВКонтакте». Неужели бесплатно? И это в наше-то время. Чудеса...

Нужно поскорее написать заявку. Она кликнула курсором по безликому аватару автора сообщения и замерла в нерешительности.

С одной стороны, открывать душу перед незнакомым человеком не хотелось, а с другой — надо бы вывезти сына из сырого Питера. Хотя бы на месяц-полтора.

Закурив сигарету, Татьяна решила выложить всё как на духу.

Как предал её некогда любимый муж; как он, позабыв жену и сына, отвратительно счастлив в объятиях разлучницы; как «этот мерзавец» после развода быстренько состряпал липовую справку с низкой зарплатой и ежемесячно переводит алименты в размере жалких пяти тысяч рублей; как она, Татьяна Андреевна Ерёмкина (ксерокопию паспорта прилагаю), перестала верить людям, и только сын, Егорушка, её отрада, её счастье, её солнышко, помогает ей жить, держаться из последних сил, с трудом сводить концы с концами; как хотелось бы ей показать сынишке абрикосовое дерево, малиновый кустик не на картинке в книжке, а так, живую...

Письмо получилось по-бабски жалостливым. То, что надо! Татьяна скрестила пальцы на удачу и отправила. Должно же им повезти.

Ответ пришёл быстро.

Юзер Ирина Носова 1 июня:

«Спасибо за проявленный интерес. Приезжайте, отдыхайте. Ключ от дома у соседки напротив, адрес и контакты соседки в приложении».

Собрались за считанные часы. Билеты, самые дешёвые, на плацкартные боковушки, приобрели сразу же, на сайте ЖД-компаний. Дорожная сумка со скудными летними нарядами да детский рюкзачок с игрушками — вот и весь багаж. Паспорта, деньги на жизнь. Немного, но что им в деревне может понадобиться?

Неестественно большие мягкие руки укачивают Татьяну, баюкают, ласкают. Откуда-то сверху тихий голос вкрадчиво выводит слова незнакомой песни:

*Вновь расцветает сон-трава
И заплетает нашу речь...*

Большая ладонь ложится на живот. Раз, два, три. Раз, два, три. От ритмичных движений сладко замирает сердце.

*И так кружится голова,
Что хочется в траву прилечь.*

Голос начинает злиться. Ладонь поднимается всё выше и выше. Легко обхватывает пальцами шею Татьяны и с силой сжимает...

Резкая боль пугает, но она не сопротивляется: тело, словно ватное, не слушается. Лёгкие горят. Она по-рыбьи открывает и закрывает рот, силясь захватить воздуха. Ладонь давит на горло. Шейные позвонки хрустят под огромными пальцами.

– А-а-а!

Короткий пронзительный крик пронёсся по вагону. Пассажиры уставились на Татьяну.

– Мама, мам... – тормозил её Егорка. – Ты чего так страшно кричишь?

И без того белокожее лицо мальчика выглядело ещё более бледным, чем обычно, широко распахнутые глаза смотрели на мать с испугом.

– Сон, это был просто дурацкий сон. Не волнуйся, скоро приедем. Будем загорать, на речке купаться!

Татьяна осмотрелась по сторонам. Любопытные взгляды, не найдя видимых поводов для беспокойства, стали неодобрительными. Ну как же! Нарушительница чужого покоя...

Симпатичный брюнет, с которым она долго играла в кокетливые «переглядки», демонстративно отвернулся к своей жене. Ещё один козёл!

Татьяна поправила волосы. Откинулась на тощую казённую подушку и взяла телефон. Бледные полосочки на экране говорили о наличии непрочитанных сообщений. Неприятный сон таял под натиском реальности. И только мелодия колыбельной навязчиво крутилась в голове.

– Вновь расцветает сон-трава... – тихонько пропела Татьяна.

Щедрое краснодарское солнце ласково обогрело уставших путников. Шумный перрон перерос в небольшой автовокзал. Найдя нужный автобус, они отправились в деревушку.

Старенький пазик, проваливаясь в ямы, надсадно урчал. Дорога с каждым километром становилась всё хуже. У дорожного знака, где на белом фоне траурным чёрным выведено «НОВОЗАРЕЧНАЯ», автобус остановился.

– Выходим! – пробасил водитель пазика.

Татьяна покрутила головой. Ни автостанции, ни мало-мальски приличной остановки нигде не видно. Открытое поле со всех сторон. От дорожного знака тянулась пыльная гравийная дорога.

– Охрененно! И куда же нам идти? – спросила Татьяна.

– По дороге идите прямо, дойдёте за полчаса, – водитель махнул в сторону гравийки.

Двери скрипнули, медленно, словно нехотя, выпуская пассажиров в поле. Татьяна подхватила сумку, Егорка взвалил рюкзачок на шуплые плечи, и они двинулись прямо.

Идти было легко. Татьяна вспомнила мультипликационного попугая Кешу, гонявшего на тракторе по такому же полю, и затила дурным голосом:

– Поле, русское по-о-о-о-ле-е-е-е! Светит луна-а-а-а или падает снег...

Егорка, поддерживая дурашливое настроение матери, стал ей подпевать, на ходу придумывая новые слова:

– А мы идё-о-ом с ма-а-а-а-мой, идем прям по полю-у-у и на-а-ам хорошо-о-о-о...

Впереди показались развалины деревенского коровника – памятник социалистического прошлого. За ним потянулись сады-огороды, ухоженные и запущенные. Гуси горделиво, вразвалочку, прошествовали с одной стороны деревенской улицы на другую. Егорка замер, изумленно разглядывая птицу.

– Мама, в книжках они маленькие, а тут как... как... целый страус!

Татьяна засмеялась, отвесив сыну лёгкий подзатыльник по белобрысой макушке.

– Дурачок! А ты думал, гуси мелкие, как воробы?

Пробежала грязная, лохматая, вся облепленная репейником собака. Деревенский мальчишка погонял прутиком упрямыцу-козу. Где-то вдалеке требовательно замычала корова.

А зелени, сколько тут было зелени! Ярко-изумрудная трава, восковые листья абрикосового дерева и велюровая мягкая листва яблонь. Прелесть!

Мимо прошла полная женщина с авоськой. Татьяна окликнула её, спросила нужную улицу и номер дома. Получив лаконичный ответ и немного поблуждав, они дошли до низкого шиферного забора. На стук залиvisto ответила дворовая собака.

Через пару минут из дома донёлся громкий женский голос:

– Кто там?

– Соседи! Новые... – сказала Татьяна первое, что пришло на ум.

Ещё через пару минут они услышали шаркающие шаги попеременно с бранью, направленной на неугомонную собаку. Из-за шиферного забора вынырнула крепенькая бабулька.

– Ну? Какие ещё соседи?

– Мы по объявлению. Нам сказано, что у вас можно взять ключи от дома.

– А-а-а-а, вы новые жильцы Ирки Носовой? – с любопытством разглядывая гостей, протянула бабка.

– Да-да, мы от Ирины. Быстрее можно? Мы с дороги, если что, – нетерпеливо заговорила Татьяна.

– Ша, в дом сходу и вынесу, – ответила бабка.

Ждать, к счастью, пришлось недолго. Скоро соседка вернулась с ключами.

– Вона ваш дом, через дорогу. Меня Анной Петровной зовут, или попросту баба Нюся.

– Татьяна, а это Егорка. – Мальчик кивнул. – Мы тогда пойдём, устали.

– Идите, идите, – старуха отдала им ключи.

Татьяна двинулась к дому напротив, на полпути, меняя уставшие от сумки руки, обернулась на соседку. Бабка всё так же стояла за забором, часто осеняя их крестным знаменем.

Непокрашенный покосившийся штaketник был таким редким, что за ним легко просматривалась вся придомовая территория. Сам домик был небольшим, одноэтажным, но добротно сложенным из белого кирпича. Два окна, покрытые облупившейся бежевой краской, выходили на улицу. Видимо, точно такой же краской когда-то была покрашена деревянная крыша.

Калитка запиралась изнутри на проржавевший шпингалет. Татьяна дотянулась до задвижки и вошла во двор.

Слева от дома стояло старое дерево грецкого ореха. Егорка подошёл к нему. С интересом рассмотрел крепкий ствол и задрал голову вверх.

– Мам! Тут ягодки какие-то! Маленькие и зелёные.

– Это не ягодки, это орешки. Они будут расти до самой осени, и только потом их можно будет есть.

– Жалко, что сейчас нельзя. Я проголодался, – отозвался мальчик.

– Ну началось! Пошли в дом, посмотрим, что там.

Татьяна подошла к низенькому порожку, поднялась, опустила на крыльцо дорожную сумку и вставила единственный ключ в замочную скважину. Ключ легко повернулся в замке. Она толкнула обитую красным дерматином дверь и вошла в дом.

На неё пахло затхлостью нежилого помещения. Небольшой коридорчик разделял дом на две неравные части: в меньшей была кухня, а в большей – две смежные комнаты. На стенах висели чёрно-белые снимки незнакомых людей. Мебель, а точнее рухлядь, пряталась под пыльными простынями. Быстро скинув с мебели саван, Татьяна поморщилась и пошла на кухню.

Стол, пара стульев, заскорузлая кухонная плита, старенький советский холодильник и раковина с зеркалом. Проверив работу скромной бытовой техники, Татьяна отправилась осматривать двор.

– Мама, мама, смотри! – послышался голос Егорки из-за дома. – Смотри, что я нашёл!

Татьяна достала сигарету, щёлкнув зажигалкой, с удовольствием затянулась и неспешно направилась к сыну. Двор оказался большим и на удивление ухоженным. Мягкая трава расстилалась аккуратным газоном. Живой изгородью тянулись по периметру участка садовая малина и смородина. А деревья! Абрикосы, вишня, черешня чёрная и белая, скороспелая яблоня-ранетка и даже персик.

Татьяна удивлённо присвистнула. Егорка уже нарвал спелых абрикосов, уписывая один за другим.

– Я там ещё домик маленький нашёл, а рядом дрова, – деловито отчитался он.

Татьяна огляделась в поисках «ещё одного домика». Действительно, в дальнем углу участка стоял маленький сарай, имевший отдалённое сходство с домом за счёт мутного окна. Рядом с сараюшкой лежала аккуратная поленница.

Татьяна отправилась было искать баню, но, так и не найдя, быстро забыла о бесполезной поленнице.

Насыщенные впечатлениями, они решили пораньше лечь спать. Татьяна обнаружила в шифоньере комплекты выцветшего, но всё же чистого белья. Застелив две скрипучие железные кровати, легли. Ночь, душная и прелая, заползала в открытое окно новыми для них звуками. Запели, заголосили хором лягушки. Залаяла и смолкла, не найдя поддержки, соседская собака. Пролетела, ухая, ночная птица.

Кто-то завозился на чердаке. Мыши, что ли? Ну конечно, в таком старом доме должны быть мыши. Татьяна поёжилась, а потом забылась недолгим сном.

Шкрап-шкрап. Тоненькие коготки царапают шелушащуюся обивку входной двери. Эти твари ещё и в дом хотят забраться! Татьяна садится на кровати, но не спускает ноги на пол.

Шшшшшкрап... Когтистая лапка настойчиво проверяет старый дерматин на прочность. Завтра же надо купить мышьиной отравы!

Татьяна чувствует, как по коже пробегает дрожь, натягивает повыше одеяло и закрывает глаза. «Шкрап-шкрап-шкрап» – тихо звучит в последний раз, и всё стихает.

Сон это был или нет, но на следующий день Татьяна отправилась в сельский магазин. Приобретя всё необходимое и попутно заинтересовав местных кумушек своей персоной, она шла домой. Недалеко от дома встретила баба Нюся.

– Ну что, соседushка, как обустроились? Как ночь на новом месте? – неодобрительно косясь на сигарету, завела разговор старуха.

– Ничего, привыкаем понемногу. После города нам тут всё в новинку. Да ещё мыши ночью скреблись в дверь...

– Кто скрёбся? – бабка внимательно посмотрела на собеседницу.

– Мы-ши, – громко по слогам произнесла Татьяна и потрясла пакетом. – Я вот и отравы прикупила.

– Отрава тут не поможет, Танюша, – задумчиво произнесла старуха. – А где мальчик твой? Дома?

Татьяна кивнула. Старуха закивала в ответ и пошла по своим делам, не попрощавшись.

Ночью было тихо. Наверное, грызуны передохли, подумала Татьяна, но на следующую ночь шум повторился с удвоенной настойчивостью. А ещё через пару ночей шум уже чередовался с тихим постукиванием.

Видимо, присоединились крысы. От этой мысли Татьяна содрогнулась. То, что мышиная отравка не произвела на более крупных тварей никакого эффекта, показалось разумным объяснением. Нужно бы опять сходить в магазин за новым ядом, но тратить ещё раз три сотни совсем не хотелось.

Привыкнем, решила Татьяна.

Неделя пролетела незаметно. Загорелый, окрепший Егорка целыми днями носился по улицам. Бегал на речку, лазил по деревьям и объедался фруктами. Кажется, даже завёл себе друга! Это особенно радовало, так как одноклассники недолюбливали тщедушного низкорослого Егорку и никогда не звали его в свои игры. Мальчик же, лишённый отцовского внимания, остро нуждался в мужской компании и болезненно реагировал на безразличие сверстников.

Несколько раз мать предлагала Егорке привести нового друга домой, но сын отказывался, ссылаясь на то, что друг не хочет. Кто поймёт этих мальчишек! И Татьяна махнула рукой, оставив попытки познакомиться.

Весь день нещадно палило на редкость знойное июньское солнце. В доме было нестерпимо душно. Егор затеял какую-то игру в густой тени за поленницей и весь день просидел там. К вечеру марево не спало, и, готовясь ко сну, Татьяна широко распахнула окна в доме.

А ночью её разбудила песенка.

Кто-то под окном тихо напевает знакомый мотив:

*Вновь расцветает сон-трава
И заплетает нашу речь...
И так кружится голова,
Что хочется в траву прилечь.*

Татьяна прислушивается. Может, чудится?

Нет, не чудится. Кто-то прямо под окном сидит и детским, немного писклявым голосом повторяет слова колыбельной...

*Ночь всех пытается обнять,
Ты за руку её держи,
Нам вместе будет сладко спать,
Не так на свете сладко жить...*

– Кто там? – От страха голос срывается на писк. Татьяна откашливается и повторяет вопрос, подходя к окну.

– Да кто там шутит!? По ушам хочешь схлопотать? – смелее говорит она. Конечно, это проделка местных мальчишек. Уверенная в своей догадке, она по пояс высовывается в окно.

Уличный фонарь тускло освещает двор. В его редком свете виднеется нечто... Оно напоминает силуэтом младенца. Маленький рост, несоразмерная тщедушному тельцу круглая голова. Длинная верёвка тянется из живота и свисает между широко расставленных ножек...

Кукла? Татьяна прищуривается. Верёвка глянцево поблёскивает.

Пуповина!

Она в ужасе отшатывается от окна. Какому придурку хватило ума подкинуть эту уродливую игрушку? Сердце учащённо бьётся. Ноги и руки мелко трясутся.

Потом на помощь приходит здравый смысл. А если этот псих ещё здесь, наблюдает за ней? Во дворе, рядом с домом.

На цыпочках, прижимаясь к стене, Татьяна крадётся к окну и захлопывает его. Потом подпирает хлипкую дверь столом. Оценив самодельные баррикады, она берёт чугунную сковороду из кухни и занимает оборону у двери, пододвинув табурет.

Под утро её всё-таки сморил сон. Очнулась она на полу. Дневной свет заливал комнату. Сына нигде не видно. Выскочив на порог как была в ночнушке, она позвала сына. Мальчик не отзывался.

Заметив возле калитки соседку, Татьяна окликнула старуху:

– Анна Петровна, вы Егорку моего не видели?

– Нет. Можно зайти к тебе? – Не дожидаясь разрешения, баба Нюся толкнула хлипкую калитку и вошла в дом.

– Ты чего бледная такая? Али не спала всю ночь?

– Спала не спала, скорее дремала, – Татьяна накинула халат.

– А чего молодке не спится? Любовь какая приключилась? – полюбопытствовала старуха, поднимая с пола стул и присаживаясь на него.

– Скажете тоже! – махнула рукой Татьяна. – Какой-то идиот куклу мне подкинул во двор.

– Это что за кукла такая?

– Как будто младенец, знаете, «бэби борн», что ли. Таких по телеку в рекламе показывают.

– С пуповинкой неперерезанной? – понимающе осведомилась гостья.

Татьяну окатило холодом.

– А вы откуда знаете?

Старуха встала. Подойдя к одному из фотопортретов на стене, остановилась, внимательно рассматривая молодую девушку.

Серьёзное, выразительное лицо без улыбки. Толстая коса на манер обода опоясывала голову. Девушка выглядела лет на двадцать пять, но в то сложное время молодёжь рано взрослела. Героине портрета на момент фотосъёмки могло быть всего шестнадцать.

– Нина Зотова, – бабка постучала пальцем по портрету. – Нинка-картинка, как её звали. Красавица. Я тогда девчонкой была, но её хорошо помню. Парни деревенские гурьбой за ней ходили. Но она никого к себе не подпускала. Строгая была. Да и с таким отцом, как у Нинки, больно не забалуешь! Лютый был казак. Что не по нём, за космы так отходит, мало не покажется.

Старуха вздохнула и отошла к окну.

– Одно время поправилась Нинка. Стала нерасторопной, мешкотной. По деревне слухи всякие поползли, мол, на сносях наша гордейка. А тут с матерью слышим: у соседей шум,

крики! Нинка в слезах из дому, а за ней отец с нагайкой. И дубастит беднягу, и дубастит. Верными те слухи, значит, оказались. А замуж так никто и не взял.

Старуха замолчала. Взгляд её был устремлён сквозь портрет, сквозь стену. Туда, куда Татьяна не могла заглянуть при всём желании.

– Дальше что было, Анна Петровна? Нашли парня того?

– Ась? – рассеянно переспросила соседка. – Парня, говоришь? Нет, не нашли. Не сыскался жених. И вот же поди! То ходили за ней, словно на привязи, а как прознали про беременность – все как один пропали. И поползли по деревне новые слухи, да такие срамные, что вот веришь, Танюш, жизнь прожила, а всё равно тошно вспомнить.

Старушка посмотрела на Татьяну, словно прикинув, можно ли ей доверить такую тайну, пожаткала тонкими губами и продолжила.

– Отец же её вдовый был. Супруга померла давно, ещё перед войной. Он так бобылем и остался. Ну вот и судачили, что он сам дочку-красавицу обрюхатил. А как срамное пузо на нос полезло, так и взбесился пуще некуда. Нинка с позору такого лишней раз людям на глаза не казалась. Стала тише воды, ниже травы. Бывало, выйдет во двор, ходит, нигде не приткнётся. И всё смертную колыбельную напевает. У самой-то глаза пустые-пустые.

– Как вы сказали? Какую колыбельную? – не поняла Татьяна.

– Смертную. На смерть ребёночка, значит, когда он матери не нужен. Да вы городские, поди, и не слышали про такое. А моя бабка много их знала. Погодь, сейчас напою тебе.

И соседка принялась шевелить губами, сплёвывать, задумчиво поднимая глаза к потолку. Через пару минут затишула скрипучим голосом:

Вновь расцветает сон-трава
И заплетает нашу речь...
И так кружится голова...

– Что хочется в траву прилечь, – закончила за ней Татьяна.

– Прилечь и не встать, – кивнула старуха. – А ты почём знаешь баюльную эту?

– Аборт-то чего не сделала? – проигнорировав вопрос старухи, спросила Татьяна. – Нинка эта ваша?

Татьяна легко пошла на этот шаг после ссоры с мужем. Убить, вырвать с корнем, уничтожить его дитя – тогда это казалось самой изощрённой мстостью, самым правильным поступком. Да и сейчас, спустя несколько лет, она не жалела о содеянном. Её матка – её правила. Муж, узнав об аборте, молча собрал вещи и ушёл, вычеркнув первую жену из своей жизни.

– Ладно там, в больницу не ляжешь, но есть народные средства. Женщины же как-то справлялись? – продолжила Татьяна свою мысль.

– Кто ж её знает? – задумалась бабка. – Может, не надоумил никто, без матери всё же росла, а может, суда Божьего побоялась. Да только в положенный срок родила Нинка пацанёнка. Чернявого, как и её отец. Я почему знаю, потому как мамка моя роды у ней принимала, а я, значит, на подхвате была. Вот всё лично и видела.

Старуха снова пожевала губами, снова примерялась к Татьяне, можно ли ей довериться до конца.

– А только не жилец он был! С волчьей пастью мальчонка родился, с вот такенной расщелиной, – бабка вертикально приложила два сжатых пальца между губой и носом. – День прошёл, другой, неделя, а пацанёнок всё живёт и живёт. Да такой горланистый был! За три дома слышать. Ну, все думали, жизни в нём много, раз сил на такой крик есть. А как-то всё стихло. Нет ни Нинки, ни мальчонки ейного. С месяц не видали мы никого.

Что-то скрипнуло в коридоре, и Татьяна вздрогнула. Ветер, конечно, ветер гуляет по старому дому.

– Так мать не утерпела, сама пошла, – продолжала соседка. – Рассказывала потом, что зашла в хату, а там грязь, нечистоты. Нина лежит на грязной тряпице, как дворняга какая. Сама тощая, кости под жёлтой кожей так и торчат. Лицо осунувшееся, только глазищами безумно вращает. Мамка моя к ней: «Ниночка, милая, ты чего же это, на полу-то? Где младенчик?» А она как закричит, как заорёт дурниной: «Бесовое отродье! Бесовое отродье!» И матери груди свои обнажённые показывает. А там месиво одно изрезанное-изъеденное, будто зверь драл.

– С отцом её что стало? – поморщилась Татьяна. Что у этих деревенских в голове, в такие глупости верят?

– Нинка как от бремени разрешилась, отец на третьи сутки повесился. Вот прям на этом орешнике, что у дома. Выбрал сук покрепче, в исподнем в петельку и полез. Низенько так у землячки повесился. Когда его сымали, я сама видела ноги его объеденные. Значит, зверь этот и об него зубки поточил. Мамка моя кое-как Нинку выправила, выходила, но рассудком девка помутилась. Помыкалась немного, да и ушла в неизвестном направлении. А дом этот с землицей племяннице ихней достался, Носовой Ирке. Только не заладилась и у ней тут жизнь. Полгода прожили и в город умотали. А дом сдают, таким вот, как ты.

Старуха ещё немного поглазела на портрет и пошла к выходу. Остановившись в дверном проёме, она обернулась.

– Уезжай отсюда, Танюша. И мальчика своего поскорей увози. Плохое тут место, знаю про то, что говорю. Скучно Игоше-дитятке одному, а людям это всегда верная погибель.

– Какой ещё Игоша? – через силу усмехнулась Татьяна.

– А ты послушай, не зубоскаль. Вот мать дитя народит, а возлюбить не влюбит. Смерти ему пожелает. Покрестить не успеет, младенчик помрёт, никто слезинки по нём не проронит, да ещё и земле предаст не по-православному. Игоша из такого мертвячка и появится. Будет живым мешать да с собою звать. – С этими словами баба Нюся развернулась и ушла.

Умалишённая старуха... Татьяна трясущимися руками захлопнула дверь. Не бабка ли эту чёртову куклу подкинула? И так ехидно ещё спросила про пуповину. Небось сама же и обвязала верёвкой, ведьма старая. У пенсионеров когда от маразма крышняк рвать начинает, они и не такое выкинуть могут.

– Ну я тебя, стерва, на чистую воду выведу. Психушка по тебе плачет! – Татьяна глянула на часы. Уже два... На неё накатила приступ тошноты: за бредовыми рассказами забыла позавтракать, а уже давно пора обедать. И Егорка, как назло, куда-то подевался.

Выйдя во двор, Татьяна огляделась. Наверняка с новым другом убежал. Но, повинувшись тоненькому голоску интуиции, она решила обыскать участок.

Дойдя до поленницы, она услышала голос сына и какое-то попискивание. За дровами Татьяна застала Егорку, перебирающего... тонкие маленькие косточки.

– Где ты взял эту гадость? – Новый виток тошноты сжал желудок. – Выкинь немедленно!

– Это не гадость, – зло ответил Егорка. – Это мой друг. Вот!

Он протянул матери небольшой беззубый череп с широкой расщелиной между зияющими дырами на месте носа и рта.

– Где ты это нашёл?

– Тут лежало. Мама, он кушать всё время просит. Я его кормлю, но ему мало. Его домой надо, к маме. Он к маме хочет, – нежно прижимая щеку к пожелтевшей кости, проговорил сын.

Нервы у Татьяны сдали. Она выхватила череп из рук Егорки, кинула на землю и с силой наступила на него. Хлоп – тонкие высохшие косточки легко раскололись. Егорка громко зарыдал, бросился поднимать фрагменты костей, но Татьяна вцепилась в него и силком поволокла в дом.

Вечером, с боем уложив канючащего сына, Татьяна принялась караулить чокнутую бабу у окна. Сколько прошло времени, неизвестно, но, устав, она задремала, а проснулась уже глубокой ночью.

Шшшшшшкrap...

Острые коготки снова скребутся в дверь. Писклявая заунывная песенка приближается... Татьяна вздрагивает, знает, что это злая шутка соседки, но всё равно страшно...

Стук-стук – глухо стучат в дверь. Стук-стук – тут же звонко в окно. Бах! – словно большим сапогом припечатали.

Разозлившись на сумасшедшую бабу, Татьяна распахивает дверь, но за ней пусто. За домом небось прячется...

Прихватив фонарик, Татьяна идёт за угол дома. Зловонно-сладкий запах разлагающейся плоти ударяет в нос.

– Что за вонища? – она почти кричит.

Жёлтое пятно фонарика бежит-скачет по траве в поисках источника вони. Тёмный силуэт выделяется на фоне орешника. Подсвечивая себе дорогу, Татьяна идёт вперёд, к дереву. Остановившись перед деревом в паре шагов, она направляет луч к корням.

Та самая уродливая кукла, кем-то заботливо установленная, подпирает ствол орешника. Недоразвитые ручки-ножки такого же сине-фиолетового цвета, как и всё туловище. Из центра живота, свернутая в глянцевый жгут, выётся длинная тёмно-коричневая кишка – пуповина. Круглая головка на тоненькой, будто надломленной, шейке неестественно наклонена в сторону. Между полусгнившим носом и верхней губой зияет огромная расщелина. Маленькие белые глазки, как у варёной рыбы, немигающе смотрят перед собой.

– Мама, кушать... – Углы рта расплываются в стороны, обнажая ряд мелких острых зубов.

– Мама, кушать. – Неуклюжими, но быстрыми прыжками кукла приближается к Татьяне.

– Ам-ам, – разевает уродливый провал рта.

Татьяна в ужасе пьитися. Швьряет фонарик в живот – нет, не игрушки – твари! Разворачивается и бежит к дому. За спиной она слышит утробное рычание и мягкий топот. Она не оборачивается, но знает, чувствует: тварь по-звериному, на четвереньках, бежит следом.

С колотящимся сердцем Татьяна забегает в дом и, подперев дверь стулом, забивается в дальний угол.

Существо, подвывая, скребёт обшивку двери.

– Мама, впусти...

Татьяна зажимается. Горячие слёзы бегут по лицу.

– Уходи, уходи... – горячо шепчет она. – Я не твоя мама, не твоя...

Шорохи стихают только с первыми лучами солнца.

Через пару часов семья Ерёминых уже ждала первый автобус до вокзала.

Короткое питерское лето подходило к концу. Всё чаще вечерами дул прохладный ветер и ясные дни сменялись дождливыми. Татьяна с Егоркой погрузились в обычные дела. Всё было хорошо. Почти... Свет в коридоре перестали выключать на ночь, а Татьяна пила таблетки, помогающие погрузиться в тяжёлый сон без сновидений.

Иногда даже в этом тяжёлом сне она слышала, будто кто-то царапается к ней сквозь дрему. Она пыталась открыть глаза, но не могла. Мешали таблетки. Нет, это были не мыши. Какие мыши на двенадцатом этаже?

Егорка не признавался, что тоже слышит странные звуки, но спал, видимо, плохо. По утрам он бродил по квартире разбитый, несобранный, приходилось помогать, как маленькому. Ничего, зима придёт, странное лето забудется, утешала себя Татьяна. Она решила, что

нужно попробовать разные кружки, чтобы у сына было занятие. Глядишь, аппетит появится, станет не таким бледным и чахлым. А то будто одна Егоркина тень осталась.

Шшшшшшкрап...

Однажды, на излёте лета, таблетки не срабатывают. Татьяна просыпается посреди ночи и слышит странные шорохи в спальне сына. Она идёт в спальню, но находит лишь смятую постель. Сына нет ни на кухне, ни в ванной. Наконец она добирается до входной двери и толкает её, так, на всякий случай. Она же всегда запирает замки на ночь.

Но сейчас дверь мягко подаётся вперёд, в чёрный коридор, в котором тонет слабый свет из квартиры. Надо поменять лампочку... Татьяна бездумно смотрит в потолок, потом упирается взглядом в пол.

И только тогда замечает, что входная дверь исполосована снизу тонкими царапинами.

Юзер Любовь Коновалова 31 августа:

«Только что приехали из Новозаречной, и я сразу спешу поблагодарить любезную хозяйку Носову Ирочку за прекрасный отдых! Солнце, воздух, фрукты, ягоды – всего в избытке! Милая Ирочка! Это же насколько надо иметь большое сердце и насколько же сильно любить людей, чтобы бесплатно пускать пожить в этот райский уголок.

*Низко кланяемся до земли,
семья Коноваловых»*

Юзер mokosha 2 сентября:

«Любовь Коновалова, что за вранье? Мы многодетная семья, у нас пятеро детей! С разных аккаунтов писали письма, и я, и мой муж, но нет – нам никто не ответил даже. Ну и что, что я не мать-одиночка! Вас выбрали, а нас нет? Или это отдых за бабки, хотя в объявлении говорится, что бесплатно, или это всё полная тифта и лохотрон!»

✻

В славянской мифологии **игошами** называли детей кикиморы. Представляли их в виде безруких безногих младенцев: калечность подчёркивала отличие нечисти от человека.

Также к игошам порой относили мертворождённых детей или тех младенцев, кто умер некрещёным. Считалось, что они могут вредить домочадцам, плакать и кричать под окнами, их старались задобрить, как домовых.

Михей Елена Клир

Он приподнялся на локте и свободной рукой снова потянулся в малинник. Айкнул, оцарапавшись.

– Миха, брось, хватит уже.

Люция дёрнула его за рубаху и притихла, глядя на крутой излом горла и резко проступивший рельеф мышц.

– Ещё одну спелую нашёл. – Довольный, он положил добытую ягоду ей в губы.

– Твоя, – она потянула её обратно. – Ну, что мотаешь головой? Не ври, что сыт. Твой желудок извылся на весь лес. Ты же ел в последний раз вчера утром. Ладно. Тогда пополам?

– Это нервы воют, – засмеялся он, но от ароматного поцелуя отказаться не мог.

– Всё, всё. Надо бежать, – прошептала она, сдерживая сбившееся дыхание.

– Рано ещё. Поспи чуток, успеешь.

Но сон не шёл. Из его уютных объятий и так невозможно вырваться, а тут ещё и перед расставанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.